

№ 6

В. Н. ИЛЬИНЪ

АТЕИЗМЪ И ГИБЕЛЬ КУЛЬТУРЫ

„Чась не настанеть, время не придетъ, если мы останемся въ бездѣйствіи. Слѣпая сила могуча, пока не пробудилась разумная. Предсказывать можно лишь злое, какъ слѣдствіе бездѣйствія и слѣпоты. Доброе можно лишь сдѣлать. Доброе и благое можно не предсказывать, а лишь предуказывать, направлять въ одно сознательное дѣйствіе.

Н. Ф. ФЕДОРОВЪ

aus. oku. d. Draugija. Kovanekos P. Kaunas, Vytauto prosp. 20 № Telefon. 16-53

Всѣ права сохранены
Copyright by YMCA Press, Paris.

1.57487

Printed in Poland
Zakł. Graf. E. i D-ra K. Kozińskich w Warszawie.

Ковенская Русская Типография
Kaunas, Vytauto prosp. 20 № Telefon. 16-53

Вмѣсто предисловія.

Блестящіе успѣхи техники начала XX в. не должны скрывать отъ насъ грозной опасности, которой подверглись всѣ цѣнныя завоеванія человѣческаго генія, столь безмѣрно возвышающія его надъ окружающей природой и животнымъ міромъ... Кажется, никогда еще будущее не было полно столь мрачныхъ предзнаменованій, какъ теперъ. Рѣчь идетъ не о войнахъ, — грядутъ и онѣ — но о чемъ-то гораздо худшемъ: о паденіи культуры и разгромѣ цивилизаціи отъ **нашествія внутренняго варвара!**

Опасность паденія тѣмъ болѣе велика, что раскрывшіяся перспективы поистинѣ головокружительны, нѣтъ только воли достигнуть этихъ высотъ, а тѣмъ болѣе — сохранить и закрѣпить ихъ за собою. Низменные аппетиты давно превосходятъ и волю къ творчеству и техническія достижения уже существующія, — и съ этой точки зрѣнія можно положительно говорить о **неуспѣхахъ техники.**

Временами кажется, что человѣчество отворачивается отъ своего собственнаго блестящаго будущаго — у са-

маго подножья тѣхъ высотъ, гдѣ «блѣветъ Ветилуя» — «Домъ Божій»... Но «демоны» напрягаютъ всѣ силы, внушая мысль, что нерасторжимое двуединство культуры внутренней, духовной и внѣшней, матеріальной (т. е. культуры и цивилизаціи) — не существуетъ, что все дѣло лишь въ матеріальной культурѣ и во внѣшней «цивилизациі», и даже не въ нихъ, а всего лишь въ материализмѣ.. Что не только нельзя признавать духовную культуру, но необходимо бороться съ ней, помрачать ея древніе памятники, уничтожать ея сокровища... Но нельзя убить духовную культуру, не убивъ соединенную съ ней и матеріальную. И уже не духовное огрубѣніе, давно наступившее, грозитъ намъ, но разрушеніе матеріальныхъ, осязательныхъ цѣнностей, тѣхъ самыхъ, во имя которыхъ подрываютъ корни у взрастившей ихъ духовности. Какъ же это могло случиться? Въ чемъ механизмъ гибели культуры?

І. Гибель культуры.

Культуры гибнутъ отъ дѣйствія двухъ причинъ. Либо онѣ разрушаются подъ натискомъ извнѣ — отъ «нашествія иноплеменниковъ», равно какъ и отъ стихійныхъ разгромовъ «отъ глада, губительства» (эпидемій), «труса» (землетрясеній), «потопа, огня»... Такъ, напр., погибла древняя Альба-Лонга, кончившая свои дни подъ натискомъ крѣпящаго Рима, такъ пала Троя и великая Минойская культура — подъ ударами греческихъ мечей, такъ погибла подъ волнами Атлантического океана, нѣкогда легендарная, теперь же реальная Атлантида, такъ прекратилъ свое существованіе въ водахъ Индійскаго океана культурный материкъ Гондвана... Такъ погибло первоначальное европейское населеніе въ снѣгахъ ледяного періода и въ водахъ потопа, а выродившіеся жалкіе остатки превратились въ звѣроподобнаго «каменнаго человѣка»... и опять началось все съ начала; такъ, наконецъ, въ древнѣйшія геологическія эпохи человѣкъ ниспадалъ до животнаго состоянія, «превращаясь въ обезьяну» (а не наоборотъ!), — о чемъ сохранились древнія легенды и что серьезно грозитъ ему теперь.

Культуры разрушаются также изнутри, отъ такъ наз. «естественнаго» — а въ дѣйствительности — противоестественнаго одряхлѣнія, отъ нашествія внутреннихъ варваровъ, отъ «междуусобныхъ брани»... Часто причины внутреннія и внѣшнія комбинируются. Такъ, напр., произошло съ древними римлянами и греками, такъ случилось съ кievской Русью въ періодъ монгольскаго завоеванія, такъ произошло съ новѣйшей Россіей въ 1914—1928 г. г. Часто такого рода гибель приводитъ къ возникновенію новыхъ культуръ — напр. къ появленію великой Средневѣковой Христіанской Культуры на развалинахъ античности, къ возникновенію могущественной Московской Державы на руинахъ Кіевщины. Но гибель все же остается гибелью... и помириться съ нею мы не можемъ.

Нѣтъ зрѣлица печальнѣе, чѣмъ зрѣлице гибнущей культуры. Оно одно можетъ погрузить въ самый мрачный пессимизмъ и подавить порывъ къ созидательной дѣятельности. Зачѣмъ создавать, если все равно—гибель удѣлъ творимаго? «Итакъ напрасно трудились народы, и племена мучили себя для огня» — плачетъ тоскующая душа Израиля, великій пророкъ Іеремія. Конечно, можно себя утѣшить тѣмъ, что вслѣдъ разрушенной или погибшей культурѣ идетъ новая, молодая, цвѣтущая... Но такое утѣшеніе и недѣйствительно и неблагородно. Вѣдь культуры, такъ же какъ люди, суть личности, а не вещи — и потому онѣ абсолютно незамѣнимы другъ другомъ и несводимы другъ къ другу. Думать, что здѣсь можетъ произойти замѣна — само по себѣ есть уже признакъ глубочайшаго культурнаго паденія. Такъ думаютъ тѣ, кто въ новое время больше всего обнаружили разрушительныхъ стремленій — сторонники матеріализма и основанныхъ на немъ доктринъ, напр. марксизма и др.

Утѣшаться можно лишь сосуществованіемъ культуръ, ихъ симфоніей, ихъ совмѣстнымъ бытіемъ, а не чередованіемъ или, тѣмъ болѣе, — замѣной.

Въ такомъ утѣшеніи «замѣной», соединеннымъ большей частью съ грубымъ злорадствомъ, есть нѣчто въ высшей степени некрасивое — «лакейское» — выражаясь любимымъ и многозначительнымъ словечкомъ Достоевскаго. Другой писатель (Тургеневъ) въ слѣдующихъ рѣзкихъ, но совершенно правдивыхъ словахъ изобразилъ такое «лакейское» умонастроеніе губителей культуры.

«Новый баринъ народился — стараго долой. То былъ Яковъ, а теперь Сидоръ. Въ ухо Якову, въ ноги Сидору. И гордость холопская и холопское униженіе»...

Знаменательно, что это было сказано по адресу россійскихъ интеллигентовъ-нигилистовъ съ ихъ бѣшеной ненавистью ко всякой подлинной культурѣ вообще и къ русской — въ особенности. Проявленіе этого на дѣлѣ мы видимъ и въ наше время, когда интеллигентъ-нигилистъ всѣми силами старается, чтобы новый баринъ — «Сидоръ», такъ наз. пролетарская культура (пока, впрочемъ, лишь ожидаемая), затоптала стараго барина — «Якова» — всѣ прочія культуры. Наше время, впрочемъ, даетъ образцы почти поголовнаго зараженія этой ужасной дикостью всѣхъ поколѣній, всѣхъ партій.

Одинъ изъ величайшихъ памятниковъ Римскаго гения, знаменитая «Энеида» Виргилія, соединяетъ въ себѣ оба мотива — чувство героической мощи возникающаго новаго культурнаго міра (Рима) съ великой трагической скорбью о гибели ушедшаго (Трои). Хорошо еще, когда благородное сердце грознаго завоевателя находитъ нѣкій откликъ въ гениальномъ твореніи великаго поэта, по слову Донъ-Кихота: «Вѣрь мнѣ, о другъ мой Санхо — никогда еще мечъ не притуплялъ пера, ни перо — меча». Бываетъ хуже. Бываетъ, что великое рушится не при зводѣ мечей героевъ и не оплакивается рапсодами, — но его паденіе торопятъ палачи и «лакеи».

Какъ это возможно, какъ же это происходитъ въ концѣ концовъ? — съ печалью спрашиваемъ мы себя. По-

нятно, когда культура рушится подъ натискомъ бушующихъ водъ потопа или падаетъ подъ ударами тарана завоевателей. . . Есть однако другой путь гибели — непонятный и несравненно болѣе ужасный — самоубійство подъ вліяніемъ ложныхъ міросозерцаній, саморазложеніе отъ дѣйствія духовнаго яда ложной философіи.

Просто смѣшно было бы думать, что отъ заговора горсточки нигилистовъ и злонамѣренныхъ корыстныхъ дѣльцовъ можетъ погибнуть дѣло столѣтій не только въ пергаментахъ, статуяхъ и картинахъ, но и въ мысляхъ, звукахъ, архитектурныхъ симфоніяхъ и въ «стальныхъ машинахъ, гдѣ дышитъ интегралъ». . . Заговорами только взрываются пороховые погреба. Но культура, вѣдь, не пороховой погребъ. Если же она и превращается въ минированное поле, для взрыва котораго достаточно «злонамѣреннаго нигилиста», то «пороховые погреба» все же начинаются не имъ и поля минируются не отъ его рукъ. Необходимо понять: въ чемъ сущность злой проповѣди, и почему ей внимаютъ, почему ее исполняютъ?

Съ самаго начала ясно, что и нигилисты, и взрываемая имъ культура заражены и больны чѣмъ-то однороднымъ. Въ нихъ подорваны глубочайшія основы жизни, на которыхъ зиждется культура.

Если мы захотимъ отдать себѣ отчетъ, какъ именуется эта **послѣдняя основа**, то отвѣтъ будетъ заключаться въ одномъ только словѣ: **религія**.

II. Религія и культура.

Въ наше время, слѣдуя философіи мыслителей эпохи (напр. О. Шпенглера), принято различать культуру и цивилизацію. Причемъ, подъ культурой разумѣютъ высшія духовныя цѣнности: религію, національный бытъ, искусство, философію, науку. Подъ цивилизаціей понимаютъ гражданское устройство общества (т. е. технику соціально-государственнаго общежитія) и всю совокупность внѣшнихъ матеріальныхъ достиженій, технику во всѣхъ ея видахъ, международное общеніе и др. Ихъ принято противопоставлять другъ другу. И дѣйствительно, культура — религіозна и національна. Цивилизація — внѣрелигіозна (въ лучшемъ случаѣ) и международна, интернаціональна. Все это очень хорошо выяснилъ Шпенглеръ, причемъ онъ же въ рядѣ мастерскихъ историческихъ анализовъ показалъ, какъ культура (т. е. ея дѣятели) съ подозрѣніемъ смотрятъ на зачинающуюся цивилизацію, а цивилизація, достигнувъ извѣстной степени и укрѣпивъ свой интернаціональный обликъ, начинаетъ заглушать культуру. Однако, нетрудно показать, что все же между ними существуетъ тѣсная связь, что обѣ онѣ внут-

ренно зависимы отъ религіи. Причемъ цивилизація, даже тогда, когда она окончательно «секуляризуется», совершенно порывая съ положительными историческими религіями откровенія и преданія и этимъ противопоставляя себя культурѣ съ ея духомъ преданія, традиціонности, — вынуждена создавать новую, свѣтскую религію. И эта новая религія, какъ верховная цѣнность цивилизаціи, не можетъ нейтрально относиться къ противостоящей религіи преданія и откровенія, которая представляетъ верховную цѣнность культуры. Сосуществовать мирно могутъ лишь промежуточные множественныя (плюралистическія) цѣнности, выборъ которыхъ не опредѣляетъ послѣднихъ судебъ человѣка. Цѣнности же верховныя, опредѣляющія послѣднія судьбы человѣка, всегда **единственны** (монистичны) и исключаютъ другъ друга, вступая между собою въ борьбу. Эта борьба, въ чемъ бы она ни состояла, и есть содержаніе той трагедіи, которую мы называемъ всемірной исторіей. Ея картины въ высшей степени страшны и соблазнительны и легко могутъ привести къ такъ наз. релятивизму въ философіи исторіи. Т. е. къ тому мнѣнію, что всѣ культурныя цѣнности относительны, и ни одна изъ нихъ не абсолютна, и что поэтому для каждой изъ нихъ есть свое время выступить на арену и навѣки сойти съ нея. Къ этой точкѣ зрѣнія и пришелъ Шпенглеръ, показавъ относительность западной культуры и неминуемость ея гибели послѣ того, какъ будутъ пройдены всѣ этапы ея развитія. Выше было сказано, почему и по какимъ мотивамъ мы съ этимъ примириться не можемъ, какъ не можемъ вообще примириться со смертію. Къ этому здѣсь необходимо прибавить, что такой релятивизмъ необходимо приводитъ къ признанію бессмысленности и тщеты мірового процесса. Въ самомъ дѣлѣ, выходитъ, что природа равно губитъ всѣхъ своихъ дѣтей,

«Свершающихъ свой подвигъ бесполезный»,
губитъ, встрѣчая и привѣтствуя —

«Всепоглощающей и миротворной бездной» (Тютчевъ).

Но это не миръ покоя, а безнадежность отчаянія при мысли, что исторія — «діаволовъ водевиль» по выраженію Достоевскаго. Конечно, при этомъ не можетъ быть и рѣчи о вѣрѣ въ Бога и Его промысль. Характерно однако, что невѣріе такого типа приводитъ къ нулю смыслъ вообще какого бы то ни было дѣйствія въ исторіи и всѣхъ ея героевъ — и «правыхъ», и «лѣвыхъ», и среднихъ. Другой великій русскій мыслитель — прямо противоположный Тютчеву — Николай Федоровъ обмолвился двумя замѣчательными изреченіями. Онъ спрашиваетъ: **«А съ чьей же могилой время можетъ примирить?»** И, конечно, не можетъ примирить съ грандіознымъ кладбищемъ ушедшихъ культуръ. Ибо, говоритъ онъ, **«умерщвленное не можетъ быть примиреннымъ»**. Міросозерцаніе релятивизма и смерти, конечно, есть пессимизмъ, т. е. философія, утверждающая первоосновное зло и бессмыслицу міра. Шпенглеръ такъ и былъ понятъ, — какъ пессимистъ. Онъ пытался снять съ себя это обвиненіе, выступивъ съ брошюрой «Пессимизмъ ли это?», но никакого оправданія по существу въ хлесткихъ и остроумныхъ фразахъ этой брошюры мы вычитать не можемъ.

Есть только одно средство спастись отъ пессимизма съ его «всепоглощающей», но не «миротворной» бездной. Для этого надо принять такое міросозерцаніе и, значить, такую религію, которая бы содержала въ себѣ вѣчные и абсолютно цѣнные элементы всѣхъ религій и культуръ и въ то же время стояла бы, возвышаясь надъ ними; какъ радуга стоитъ надъ брызгами водопада (Сравненіе Шопенгауэра).. Эта религія и это міросозерцаніе суть **христіанство и христіанская мудрость**.

Почему же это такъ? Не является ли такое утвержденіе произвольнымъ, субъективнымъ? Для того, чтобы понять это, нужно разобратъся, въ чемъ сущность всякой религіи и въ чемъ ся отношеніе къ христіанству, какъ къ верховной цѣнности.

Сущность всякой религіи есть связь между человѣкомъ и высшимъ божественнымъ міромъ, богами или Богомъ — какими бы тѣ или иныя племена и эпохи не представляли себѣ боговъ или Бога (религія есть латинское слово, означающее «связь» или, точнѣе, «вновь возстановленную связь»). Сущность же всякой связи состоитъ въ двуединствѣ или многоединствѣ связываемаго. До религіи объекты связи (т. е. высшій міръ и человѣкъ) находятся въ разобщеніи. Въ религіи они составляютъ единство, единый міръ. «Небесные соединяются съ земными» — говоритъ Церковь, воспѣвая Рождество Христова. Поэтому такъ подходитъ ко всякой религіи понятіе «Завѣта», т. е. союза. Но единство, или союзъ божественнаго съ человѣкомъ есть богочеловѣчскій союзъ. **Всякая религія, по смыслу самого термина и по существу дѣла, основана на понятіи Богочеловѣчества.** Религія въ дѣйствіи есть культъ, — а бездѣйственной религіи какъ бы не существуетъ, — «вѣра безъ дѣлъ мертва», т. е. ея вовсе нѣтъ. Отсюда слово культура (латинскій терминъ, означающій богопочитаніе, богослуженіе). Поэтому проф. С. Н. Трубецкой и опредѣляетъ религію, какъ «организованное поклоненіе высшимъ силамъ». Организациа единственно и вытекаетъ изъ религіознаго культа, какъ нѣчто необходимое съ нимъ связанное. А «поклоненіе», культъ выражаются въ стремленіи какъ можно лучше почтить божество и приводятъ къ созданію высшихъ духовныхъ цѣнностей: поэзіи, музыки, трагедіи, комедіи (литургическая поэзія, литургическая музыка, литургическій театръ являются началомъ всякой поэзіи, всякой музыки и всякаго театра). Культъ же создаетъ храмы, статуи, картины (т. е. иконы). Все это дѣлается «самымъ лучшимъ», т. е. самымъ цѣннымъ, ибо оно вдохновляется мыслью о божественной красотѣ, какъ о высшемъ предѣльномъ совершенствѣ. Изъ культа возникаетъ система цѣнностей, которую мы и называемъ культурой. Сюда же входятъ размышленія надъ устройствомъ и проис-

хожденіемъ міра, надъ отношеніемъ его и человѣка къ высшимъ сферамъ — т. е. являются философія и наука: онѣ вытекаютъ изъ религіозныхъ потребностей, стремящагося по природѣ ввысь человѣческаго духа.. Здѣсь человѣкъ какъ бы духовно становится «во весь ростъ», занимаетъ то самое вертикальное положеніе, которое столь характерно для его физическаго облика.

Такое видимое дѣйствіе, видимое явленіе въ религіи, въ культѣ культуры есть не что иное, какъ воплощеніе религіи. Итакъ, **всякая религія есть богочеловѣчскій организмъ, а всякая культура есть воплощаемая имъ система высшихъ духовныхъ цѣнностей.** Только эту истину не всегда сознавали и очень часто забывали.

Является христіанство. Съ самого начала оно объявляетъ себя **религіей Богочеловѣчества и Воплощенія.** Это значитъ, что оно и только оно одно есть все-религія, которая неискоренима и вѣчна—была, есть и будетъ, покуда существуетъ человѣкъ. Христіанство до своего историческаго появленія было въ прообразахъ религій всего міра. И сохранится, несмотря ни на какія міровыя катаклизмы. Но зато всякая культура и основанная на ней цивилизація искажаются и умираютъ, какъ только отъ нихъ отступаетъ духъ богочеловѣческаго единенія. на основѣ котораго они, въ качествѣ организаціи, только и существуютъ. Но это также означаетъ, что нѣкоторой своей частью никакая религія и никакая культура, также какъ и никакой человѣкъ, не погибаютъ окончательно, но находятъ свое вѣчное бытіе, свою вѣчную память въ христіанствѣ. Христіанство, какъ все-религія, и есть вѣчная память культуръ, націй, религій и личностей, входящихъ въ него, какъ въ свой Пантеонъ, но входящихъ лишь послѣ «страшнаго суда» надъ ними, т. е. только той стороною своего существа, которая вѣчно-цѣнна и достойна памяти.

Христіанство — поистинѣ предсѣдатель, «премудрый архитриклинъ» на брачной трапезѣ всѣхъ культуръ

и всѣхъ народовъ. Въ Апокалипсисѣ говорится про Новый Иерусалимъ, городъ Агнца — Христа: «Спасенные народы будутъ ходить въ свѣтѣ Его, и цари земные принесутъ въ него славу и честь свою. **Ворота его не будутъ запираются** днемъ, а ночи тамъ не будетъ». (Откр. 21, 24-25). Что здѣсь рѣчь идетъ о всѣхъ народахъ, видно изъ словъ ап. Павла: «Всѣхъ заключилъ Богъ въ непослушаніе, чтобы всѣхъ помиловать. О бездна богатства, и премудрости, и вѣдѣнія Божія» (Рим. 11, 32-33). Это поистинѣ такъ, ибо Господь есть все — «альфа и омега, начало и конецъ» (Откр. 21, 6).

III. Безчеловѣчный «богъ» и безбожный человѣкъ.

Съ точки зрѣнія христіанства — нѣтъ иного подхода ни къ Богу, ни къ человѣку, какъ только черезъ Богочеловѣчество. А это значитъ, что мы къ Богу идемъ черезъ человѣка и къ человѣку идемъ черезъ Бога. Какъ только чувство подлинной религіи, чувство завѣта, союза падаетъ, т. е. какъ только падаетъ подлинно христіанская настроенность, сейчасъ же вступаютъ въ силу два страшныхъ искаженія истины, двѣ страшныхъ лжи. Богъ представляется жестокимъ, уединеннымъ, никого не любящимъ деспотомъ, тираномъ. Онъ давитъ на человѣка своимъ внѣшнимъ авторитетомъ, а не «уязвляетъ его сердце своей любовью», по выраженію св. Василія Великаго. Онъ опутываетъ общество цѣплями условнаго законничества, прихотью деспота, и закрываетъ отъ него вѣчная истины знанія и любви. Онъ, наконецъ, по капризу казнить и милуетъ человѣка, въ общемъ предпочитая казнь милости и казня смертью всѣхъ за формальное нарушеніе прихотливаго повелѣнія. Что же человѣкъ? — нѣкоторое, иногда долгое, время онъ молчитъ умомъ и серд-

цемъ, онъ ушибленъ страхомъ и лишь какъ бы уголкомъ, тайникомъ сердца своего чувствуетъ — вопреки этому навѣту — союзъ любви, творить культуру иногда въ страшныхъ и мрачныхъ формахъ. Ибо искажаемая любовь страшна, какъ ничто другое. Онъ любитъ Бога и готовъ на все — даже тогда, когда Онъ будто бы для своего насыщенія требуетъ отъ него крови и мукъ. Въ своей страстной любви человѣкъ готовъ и на это. Но потомъ проходитъ страхъ, увы, проходитъ и любовь. Въ отвѣтъ на произвольное законничество — просыпается законное чувство критики, и образъ безчеловѣчнаго «бога» отстраивается безбожнымъ человѣкомъ; въ извѣстномъ смыслѣ тутъ человѣкъ правъ. Ибо безчеловѣчнаго «бога» нѣтъ вовсе. Онъ — наговоръ злыхъ силъ, тяжелое недоразумѣнiе, посвянное въ оскудѣвшее любовью сердце. Существуетъ только Богъ любящiй, «человѣчный»

Хоть не вѣченъ человѣкъ,

То, что вѣчно, человѣчно. (Фетъ).

Любовь есть единенiе, и послѣдняя цѣль любви — «да два едино будутъ», и послѣдняя цѣль божественной любви — да будетъ Богъ все во всемъ (I Кор. 15, 28). И не вѣчный по природѣ человѣкъ дѣлается по благодати и въ любви божественной вѣчнымъ. Но такъ какъ «не любящiй богъ» — не истинный Богъ, а не любящiй человѣкъ — не истинный человѣкъ (ибо человѣкъ созданъ по образу Божию, т. е. для любви), то нарушенiе принципа христіанскаго Богочеловѣчества приводитъ не только къ злымъ и тяжелымъ иллюзіямъ безчеловѣчнаго «бога» и «безбожнаго» человѣка, но и къ страшной, мучительной, поистинѣ адской реальности: къ безбожному «богу», т. е. къ дьяволу, и къ «безчеловѣчному» человѣку, т. е. къ антихристу. И тогда рушится культура. Безбожный «богъ» — дьяволъ — внушаетъ безчеловѣчныя мысли и дѣйствiя человѣку и превращаетъ его въ антихриста, ибо быть со Христомъ можно только черезъ человѣческое отношенiе къ людямъ. А потерявъ способность любить

человѣка и ненавядя его, человѣкъ превращается фактически въ безбожника, хотя бы на словахъ и исповѣдывалъ вѣру въ Бога, т. е. произносилъ языкомъ опредѣленныя формулы, не участвуя въ нихъ ни сердцемъ, ни дѣломъ. Про такихъ фактическихъ безбожниковъ черезъ безчеловѣчье говоритъ Самъ Господь Иисусъ Христосъ: «Такъ какъ вы не сдѣлали этого одному изъ сихъ меньшихъ, то не сдѣлали этого Мнѣ» (Матѣ. 25, 45). Говорить это также Его апостоль, св. Иоаннъ Богословъ: «Кто говоритъ: «Я люблю Бога», а брата своего ненавидитъ, тотъ лжець; ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, Котораго не видитъ?» (I Посл. Иоан. 4, 20).

Но тогда и наступаетъ страшное явленіе: разрушеніе культуры, а за ней и съ нею — цивилизаціи. Ибо дѣянія ненависти суть разрушеніе и уничтоженіе. Отрицающа Богочеловѣчество, мы одновременно отрицаемъ и Бога и человѣка. Отрицающа Бога въ богослуженіи, т. е. въ культурѣ, мы естественно разрушаемъ культуру. Ненавядя человѣка въ служающей человѣку цивилизаціи, мы разрушаемъ цивилизацію. Отрицающа Богочеловѣчество, т. е. религію любви къ Богу и къ человѣку, мы разрушаемъ и культуру и цивилизацію.

Уже давно духъ человѣческой пораженъ злой и опасной болѣзнью. Что это за болѣзнь?

Въ Евангеліи сказано, что воскресшій и явившійся своимъ ученикамъ Спаситель упрекалъ за «невѣріе и жестокосердіе, что видѣвшимъ Его воскресшаго не повѣрили» (Марк. 16, 14). Жестокосердіе по-гречески будетъ «склерокардія», т. е. буквально «склерозъ сердца».

Страшно и знаменательно, что смертельно опасная духовная и тѣлесная болѣзнь называется однимъ и тѣмъ же словомъ.

Не потому ли, что основа этой болѣзни — отрицаніе Богочеловѣчества — одинаково губительно и для духа, и для матеріи, и для души, и для тѣла. Высшая мудрость

поставила невѣріе и жестокосердіе рядомъ, — значить, между ними есть тѣсная связь. Дѣйствительно, эти двѣ болѣзни въ огромномъ большинствѣ случаевъ идутъ рука объ руку. Или вѣрнѣе, это одна болѣзнь — болѣзнь безрелигіознаго безбожія, отрицаніе Богочеловѣчества. проявляющееся въ двухъ симптомахъ, въ двухъ признакахъ: въ невѣрїи и въ жестокосердіи. Причемъ такъ, что невѣрующій ожесточается сердцемъ, а ожесточенный сердцемъ перестаетъ по-настоящему вѣрить, хотя бы и болталъ о вѣрѣ. Напрасно думать, что сказанное касается только моралиста и богослова. Нѣтъ, эта бѣда — несчастье всего человѣчества.

И подобно тому, какъ Н. Федорову, величайшему русскому мыслителю, всѣмъ сердцемъ принявшему основной догматъ христіанства — Воскресеніе — выпало показать вершину человѣческихъ достиженій — побѣду надъ смертію, — такъ и намъ, современникамъ кровавѣйшихъ и безбожнѣйшихъ дѣлъ торжествующаго варварства, выпалъ печальный жребій обратить вниманіе всѣхъ на ту пропасть, которая разверзлась подъ нашими ногами; намъ приходится всматриваться въ ея черноту и разглядывать копошащихся на днѣ гадовъ.

Такъ какъ вѣра есть высшее вѣдѣніе, высшее знаніе, зрячесть по отношенію къ первоосновамъ бытія, то невѣріе или лжевѣріе, суевѣріе есть отрицаніе высшихъ степеней знанія, отверженіе его глубочайшихъ корней и послѣднихъ достиженій. Съ невѣріемъ связано жестокосердіе. Это ужасное качество приводитъ человѣчество къ самоубійству черезъ самораспыленіе, саморазъединеніе того, что должно быть единымъ и лишь въ единствѣ можетъ жить. Жестокосердіе есть самоослѣпленіе, выкалываніе глазъ любви, ея прекрасныхъ всевидящихъ глазъ. Жестокіе слѣпнутъ и перестаютъ видѣть: «Кто ненавидитъ брата своего, тотъ находится во тьмѣ и во тьмѣ ходитъ, и не знаетъ, куда идетъ, потому что тьма ослѣпила ему глаза» (I Посл. Іоанн. 2, 11). Ненавидя нельзя знать, ибо знать

что-либо значить быть въ двуединствѣ съ тѣмъ, что знаешь, — какъ это очень хорошо показываетъ интуитивная философія. Ненависть же есть разъединеніе, вслѣдствіе чего знаніе дѣлается невозможнымъ или ложнымъ.

Знаніе и любовь — вотъ небесный образъ Божій въ человѣкѣ, живущемъ на землѣ. Тамъ, гдѣ черезъ невѣріе и жестокосердіе попираются знаніе и любовь, тамъ попирается образъ Божій, — и обратно. Тамъ, гдѣ попирается образъ Божій, попираются знаніе и любовь. Вотъ почему такимъ богомерзкимъ дѣяніемъ является всякаго рода обскурантизмъ, т. е. нелюбовь къ знанію, къ изученію, попираніе и преслѣдованіе свободной человѣческой мысли и свободного человѣческаго чувства.

Но вѣдь всѣ достиженія культуры и цивилизаціи, отъ храмовой архитектуры и религіозной живописи до инженернаго искусства, суть производныя знанія и любви — любви къ своему предмету. Еще Платонъ доказывалъ, что нельзя быть хорошимъ ремесленникомъ безъ любви къ своему ремеслу. Любовь прежде всего всевидяща. Она паритъ подобно орлу, и передъ ней раскрываются безбрежные горизонты, — недаромъ символомъ евангелиста Іоанна, апостола любви, является орелъ. Для большой любви не существуетъ выкраиваній, упрощеній, сокращеній, изъятій. Она все любитъ. Духъ Святой, по выраженію преп. Симеона Новаго Богослова, никого не боится, никого не презираетъ. Для большой любви все въ мірѣ важно, нечего и некого выбрасывать и сокращать: наоборотъ, **все надо приводить въ полноту** и обогащать. Поэтому любовь и на любви основанное знаніе такъ противостоятъ дурной простотѣ и всякаго рода упрощеніямъ, которыя, вѣдь, сводятся къ вырѣзыванію и выбрасыванію того, что лѣнь познавать, т. е. въ концѣ концовъ лѣнь любить. Но въ мірѣ Божьемъ все важно, все нужно, все соединено другъ съ другомъ, ибо черезъ единеніе Бога съ человѣкомъ и міръ соединенъ съ Богомъ. Человѣкъ, вѣдь, есть малый міръ, микрокосмъ.

Исчезаетъ вѣра въ Бога — исчезаетъ любовь, и наступають враждебныя знанію и подлинному прогрессу дурное упрощеніе, сокращеніе, выключеніе, при которыхъ не можетъ быть ни теоретическаго, ни прикладнаго знанія, ни теоріи, ни практики, — во всякомъ случаѣ въ тѣхъ гигантскихъ размѣрахъ, которые одни и достойны богоподобнаго человѣка.

Склерозъ, которымъ болѣетъ духъ человѣческій, приводитъ въ концѣ концовъ къ совершенно открытому или худо прикрытому культу невѣжества. «Марксизмъ желѣзной метлой выметаетъ все съ собой несогласное» — говоритъ коммунистъ Преображенскій. Замѣтимъ — не изучаетъ, а выметаетъ, т. е. «знать не желаетъ». А такъ какъ очень многое, почти все несогласуемо съ марксизмомъ, то его послѣдователи вынуждены не хотѣть знать очень, очень многого, почти всего. Отсюда страшное, дремучее поголовное невѣжество многихъ сотенъ тысячъ коммунистовъ. Чѣмъ отличается истинный сторонникъ марксизма отъ истиннаго противника его? А тѣмъ, что истинный марксистъ не желаетъ изучать идеи своего противника, мало того насильственно запрещаетъ изученіе его идей, а истинный противникъ марксизма всегда желаетъ изучать марксистскія идеи. Вѣдь быть настоящимъ антимарксистомъ, это значить, принявъ ту долю истины, которая содержится и въ немъ, «расширить» марксизмъ до степени всеобъемлющей доктрины. Но тогда марксизмъ исчезаетъ и замѣняется своей противоположностью. Изъ сказаннаго придется сдѣлать выводъ, который не очень — то пойдетъ въ пользу многимъ, именующимъ себя противниками марксизма и не желающимъ изучать ни самой системы его идей, ни тѣхъ путей, которыми онъ воздѣйствуетъ на человѣческія массы. Такіе «любители невѣжества и адораторы тьмы» (по выраженію В. В. Розанова) въ сущности одного съ марксизмомъ духа и только случайно забрели въ другую политическую группировку.

Если все человечество заразится этимъ духомъ, то оно одичаетъ гораздо скорѣе, чѣмъ работники знанія смогутъ достаточно подвинуть технику и этимъ противостать варварству.

Дѣло въ томъ, что безбожники желаютъ не спасенія, не блага человечеству, хотя бы только матеріальнаго (они пользуются этимъ лишь какъ агитаціоннымъ приемомъ), но самаго **безбожья**, какъ верховнаго «блага» (!). Они готовы все промѣнять на это злое, невѣжественное, холодное, голодное, тѣсное, смрадное и мертвое безбожье.

Въ этомъ сущность до конца ослѣпленной злобы. что она не желаетъ благъ любви и предпочитаетъ страдать отъ собственнаго злого самоослѣпленія.

Присмотримся ближе, какимъ образомъ злое безбожье приноситъ свои гибельные плоды. Всмотримся пристально въ иногда страшные, иногда отвратительные, нерѣдко даже смѣшные образы безчеловѣчныхъ «боговъ» и безбожныхъ людей.

IV. Разъединеніе, разгромъ и смерть, какъ слѣдствіе отрицанія Бога.

Самымъ характернымъ и страшнымъ признакомъ смерти является уничтоженіе сознанія. Поэтому полное глубокаго смысла, когда говорятъ, что сонъ есть образъ смерти, равно какъ и уподобленіе ей всякаго рода потери сознанія и его помраченія. Однако бессознательность настоящей смерти въ общемъ совершенно не похожа на это періодическое исчезновеніе сознанія.

Но что такое сознаніе? Изъ самого слова (**со** - знаніе) видно, что это есть совмѣстное знаніе, принятіе въ себя того, что «не-я», взаимное сознаніе лицъ, говорящихъ «я». По своей природѣ сознаніе есть **мы**. Мы потому и можемъ говорить «я», что «я» включено въ «мы». Проф. С. Н. Трубецкой такъ и учитъ о «соборности сознанія» — одна изъ величайшихъ мыслей русской философіи. Церковь намъ говоритъ, что Богъ-Слово пришелъ на землю и воплотился ради того, чтобы «просвѣтити омраченныхъ» и «собрать рассыпавшихся», т. е. разлученныхъ, проводящихъ одинокое бытіе. Этимъ церковнымъ выраженіемъ помраченная бессознательность и

разъединеніе, распадъ сопоставлены и являются какъ бы синонимами смерти, побѣдить которую и пришелъ Христосъ. Такимъ образомъ, если помраченіе (безсознательность) и распадъ есть смерть, то жизнь есть соединеніе и свѣтъ (сознаніе). Это видно также изъ того общеизвѣстнаго естественно научнаго факта, что лишь опредѣленнымъ образомъ организованная, т. е. соединенная матерія начинаетъ сознавать себя, какъ единство, и является уже не мертвой кучей (агрегатомъ) атомовъ, а живой, сознающей себя организаціей, организмомъ. Принципіально каждый организмъ, каждое «я» соборно. Сознаніе такимъ образомъ есть знаніе другъ другомъ всѣхъ частей цѣлаго. Но это же касается и высшихъ объединеній, дѣйствующихъ въ исторіи человѣчества.

Сказанное касается каждой культуры въ отдѣльности и собора всѣхъ культуръ всего міра. И этимъ объясняется, почему внутри каждой культуры, вслѣдъ за раздѣленіями ея элементовъ и ихъ борьбой, наступаютъ сумерки (угасаніе культурнаго самосознанія) и смерть (окончательное разложеніе); также почему гибнутъ группы, соборы культуръ: они не хотятъ или перестаютъ осознавать себя другъ въ другѣ, начинаютъ борьбу на истребленіе и вытѣсненіе — и погибаютъ. Погибаютъ побѣжденные и побѣдители. Побѣжденные погибаютъ потому, что убиты. Побѣдители погибаютъ потому, что убили. Вотъ истинная причина чередованія и замѣны культуръ. Совершенно то же самое происходитъ, когда теряется чувство отличія (личности) частей внутри каждой культуры; и различеніе личностей культуръ — извнѣ. И въ этихъ случаяхъ, вслѣдъ за такимъ уравниемъ въ общей безразличной сѣрости, наступаетъ мракъ, неподвижность, смерть, т. е. разложеніе и разъединеніе. Безразличіе такъ же убиваетъ, какъ и вражда. Но такъ какъ различеніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и отличеніе, отличіе, сознаніе градацій, ступеней, какъ внутри, такъ и извнѣ, то культуры гибнутъ, когда въ нихъ потрясенъ іерархиче-

скій принципъ, когда въ нихъ исчезаетъ іерархія. Это и развертывалось на глазахъ древняго пророка Исаи за 600 лѣтъ до Р. Х.

«Вотъ, Господь, Господь Саваоѣъ, отниметь у Іерусалима и у Іуды посохъ и трость, всякое подкрѣпленіе хлѣбомъ и всякое подкрѣпленіе водою; храбраго вождя и воина, судью и пророка, и прозорливца, и старца, пятидесятника и вельможу, и совѣтника, и мудраго художника, и искуснаго въ словѣ. И дамъ имъ отроковъ въ начальники, и дѣти будутъ господствовать надъ ними. И въ народѣ одинъ будетъ угнетаемъ другимъ, и каждый ближнимъ своимъ; юноша будетъ нагло превозноситься надъ старцемъ, и престолюдинъ надъ вельможею». (Исаія, 3, 1-6.).

Это происходитъ и на нашихъ глазахъ. Итакъ, главными причинами гибели культуръ являются: раздѣленіе, утрата взаимосознанія, соборности, утрата іерархическаго принципа и безразличіе.

Если мы присмотримся ближе къ этимъ бичамъ культуры, то увидимъ, что они являются прямымъ отрицаніемъ христіанскаго (богочеловѣческаго) пониманія Бога, какъ Соборной Троичной Любви:

Любящій — Отецъ, любимый — Сынъ и любовь — Духъ Святой.

Ибо раздѣленіе есть отрицаніе того, что представляетъ сущность Бога, единства, единосущія въ любви, т. е. отрицаніе Духа Святаго. Утрата взаимоосознанія, сознанія, разума есть отрицаніе Сына, Котораго надо любить, т. е. быть вмѣстѣ съ Нимъ, съ Его разумомъ и міромъ. Наконецъ, утрата іерархическаго принципа есть отрицаніе Отца, какъ первоисточника и начала, изъ котораго исходитъ Сама Любовь (Духъ Святой), и рождается разумъ любви (Богъ Сынъ), разумъ, воплощающійся въ конкретную Личность и въ конкретное дѣйствіе.

Сущность христіанства состоитъ въ томъ, что черезъ принципъ Богочеловѣческаго единства, исповѣдуемаго

дѣлами культуры, познается и исповѣдуется Богъ, принимается и объединяется человѣкъ. Съ точки зрѣнія христіанства одинаково безбоженъ отрицающій Бога (безбожникъ) и отрицающій культуру (обскурантъ, гаситель). Что это въ сущности одно и то же, мы теперь видимъ: безбожники-марксисты являются одновременно разрушителями культуры, обскурантами и гасителями. А ненавистники культуры, обскуранты и гасители, лицемерно прикрываясь Церковью, наносятъ ей и возглавляемой ею культурѣ жестокія раны и страшный вредъ. На дѣлѣ и они такимъ образомъ оказываются безбожниками — худшими всѣхъ другихъ, ибо дѣйствуютъ отъ Имени Божьяго.

V. Отрицаніе трагедіи и непріятіе Богочеловѣческаго креста, какъ причина и признакъ культурнаго оскудѣнія.

Богослуженіе (культъ) и съ нимъ вся культура вышли изъ трагедіи. Почему это такъ? Потому что страданіе и смерть Богочеловѣка, посланнаго въ міръ раздѣленія и вражды для любви и соединенія и смертью запечатлѣвшаго Свою любовь, есть самое важное. Это есть смыслъ въ безсмыслицѣ, произведенной враждой, раздѣленіемъ и несознательностью. Въ мірѣ грѣха и страданія высшія цѣнности всегда увѣнчиваются мученическимъ вѣнцомъ. Отказаться отъ пріятія ихъ мученичества — значитъ умереть для культуры. Принять — это прежде всего сознать страданіе міра. Надо принять страданіе, т. е. надо страдать вмѣстѣ, надо сострадать. Прежде чѣмъ исцѣляться отъ болѣзни и смерти, надо признать фактъ ихъ существованія, прежде чѣмъ строить храмъ культуры, надо признать, что мы бездомные странники, блудные сыны, ушедшіе изъ отчужденнаго дома любви. Иначе для насъ всюду былъ бы храмъ. Въ блаженствѣ жизни будущаго вѣка храма не будетъ.

Трагедія лежить въ основѣ всѣхъ великихъ культуръ и культовъ. Основа и вѣнецъ греческаго генія — трагедіи Эсхила, Софокла, Эврипида и сама религія страдающаго бога Діониса, взрастившая ихъ. Въ центрѣ египетскаго культа и египетской трагедіи лежить смерть Озириса и скорбь Изиды, да и всѣ помыслы Египта обращены по ту сторону. Пирамиды и муміи — трагическая борьба со смертью. Вся религія этой великой націи есть, по выраженію проф. В. Тураева, «разросшійся похоронный обрядъ». Въ основѣ религіи Израиля лежить общечеловѣческая трагедія грѣхопаденія и постоянныхъ частныхъ паденій, богоотступничество, разрушеніе Іерусалима и разсѣяніе. Первенствующую религію Великаго Востока — буддизмъ — очень хорошо опредѣлилъ Н. Федоровъ, какъ «сознаніе и осужденіе зла во всей его полнотѣ». Буддизмъ и лежащій въ его основѣ мифъ о сознаніи принцемъ Сиддхартой (будущимъ Буддой, принявшимъ въ церкви образъ царевича Іоасафа) великой истины страданія, быть можетъ, вообще есть величайшая трагедія не христіанскаго (не библейскаго) міра.

Наконецъ, въ христіанствѣ на дѣлѣ совершилась трагедія всѣхъ трагедій: сосредоточенными силами мірового зла была распята, умерщвлена Сама Воплощенная Истина, вочеловѣчившійся Богъ. Это — вершина трагическаго начала въ мірѣ. Но именно по той причинѣ, что въ распятіи явилась кульминація зла, здѣсь же совершился и его разгромъ, побѣда надъ нимъ: пожирать было больше нечего, ибо самъ Богочеловѣкъ, какъ кроткій и беззащитный агнецъ, не злобясь, т. е. не мысля зла, отдался на волю убійць. Не имѣя болѣе пищи, исчерпавъ свою злобу на высочайшей цѣнности (ибо не было смысла злодѣйствовать послѣ убійства Христа) зло обратилось само на себя, и Іуда Искаріотъ, какъ земной символъ сатанинскаго начала, кончилъ самоубійствомъ; а Богочеловѣкъ — свѣтъ разума и любви — воскресъ и отеръ слезы оплакивавшихъ Его: «возрадовались ученики, уви-

дѣвъ Господа». Но чтобы воскреснуть съ Нимъ, нужно принять заповѣдь Его и понести крестъ, т. е. принять трагедію. Само вѣдь воскресеніе есть просвѣтленная душою любви (Святымъ Духомъ!) трагедія. Раны, раны любви, остаются, но онѣ сіяютъ божественнымъ свѣтомъ и становятся источникомъ безсмертія.

На этой трагедіи основаны христіанскій культъ и христіанская культура — даже христіанская цивилизація. Да, и цивилизація, ибо борьба со зломъ и страданіемъ, даже если они производятся техническими средствами, есть дѣло богоугодное, не говоря уже о томъ, что наука и техника внушены свѣтомъ разума, т. е. силой Богочеловѣка. (Наука и техника вообще есть христіанство, не знающее своего настоящаго имени и боящееся своихъ окончательныхъ цѣлей: воскрешенія мертвыхъ, вѣчной жизни и вѣчнаго блаженства).

Что же мы видимъ въ гибнущей культурѣ вообще и въ частности въ наше время — сумерокъ культуры?

Прежде всего, легкомысленное отрицаніе страданій, непріятіе креста и пошлый шутовской оптимизмъ — балаганъ въ горящемъ домѣ, танцы на похоронахъ. Мы задыхаемся въ мелкой грязи отрицающихъ трагедію пошляковъ! И созерцаніе трагедіи въ театрѣ — идущее, впрочемъ, на убыль — теряетъ свою первоначальную цѣль, такъ хорошо сформулированную Аристотелемъ: **черезъ страхъ и состраданіе очищать отъ подобныхъ страстей.** Пошлость не знаетъ ни страха, ни состраданія.

Къ враждѣ, разъединенію, невѣдѣнію и смерти нынѣ въ невиданныхъ размѣрахъ присоединилось пошлое шутовство. Это не смѣхъ юмориста, котораго пошляки не понимаютъ, — иѣтъ, это бездарный балаганъ. Не напрасно Церковь назвала адъ «всесмѣхливымъ», надъ всѣмъ смѣющимся. Хохотали надъ Библіей, хохотали надъ рожденіемъ, жизнью и страданіемъ Богочеловѣка, теперь хохочутъ вообще надъ страданіемъ «чужихъ» націй и классовъ, не сознавая, что человѣчество едино, и

что грозенъ смыслъ безсмертныхъ словъ: «чему смѣтесъ? надъ собой смѣтесъ!».

И это есть послѣднее паденіе человѣка. Отъ трюковъ синема и застѣнковъ ЧеКа, съ прибавкой всевозможныхъ электрическихъ стульевъ, гильотинъ и висѣлицъ — прямой путь къ... **орангутангу.**

Не доказано и врядъ ли будетъ когда-либо доказано, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны. Но что онъ можетъ стать ею—это не только доказано, но и воочію показано.

Съ безбожнымъ отрицаніемъ Богочеловѣка — въ шутковствѣ и крови гибнетъ послѣдняя искра образа Божія.

Это есть то, что въ Откровеніи названо «**смерть вторая**».

Да не будетъ же этого. Пора опомниться, пора вспомнить слово Псалмопѣвца, подкрѣпленное авторитетомъ Христа:

«Всѣ вы боги и сыны Всевышняго всѣ вы».

Намъ ли сынамъ Всевышняго быть шутами и палачами? Намъ ли стать предками каменнаго человѣка и грядущаго гориллы?

Да не будетъ сего!

СЕРІЯ БРОШЮРЪ

«Христіанство, Атеизмъ и Современность».

Издательство YMCA PRESS ставитъ своей цѣлью поддерживать **Христіанскую Православную Церковь** въ ея борьбѣ съ безбожіемъ. Современный историческій моментъ требуетъ мобилизаціи всѣхъ духовныхъ творческихъ силъ для созданія **единого религіознаго фронта**, способнаго противостоятъ натиску фанатическаго атеизма, желающаго низвергнуть основныя святыни и цѣнности религіи и духовной жизни.

Задача Издательства: показать, что христіанство имѣетъ **вѣчное и творческое значеніе**, что оно можетъ быть вождемъ современной культуры, современной науки; что только оно можетъ указать путь къ рѣшенію соціально-го вопроса, къ нравственному обновленію жизни.

Настоящая серія брошюръ ставитъ своей цѣлью привлечь **лучшихъ русскихъ авторовъ** къ рѣшенію и обсужденію наиболѣе жгучихъ вопросовъ современности. Въ цѣляхъ широкаго распространенія изданіе доведено до **возможнаго предѣла удешевленія**.

Кромѣ задачъ апологетическихъ, задачъ защиты родной Церкви, настоящая серія ставитъ себѣ еще и цѣль **самообразованія**. Фанатическій атеизмъ обычно соединенъ съ полуобразованностью, или даже невѣжествомъ. Серія брошюръ ставитъ своей цѣлью поднять русскаго читателя на уровень современной мысли, современныхъ соціально-экономическихъ знаній, современной религіозной философіи.

Эти брошюры одинаково интересны **для вѣрующихъ и для атеистовъ**: вѣрующіе могутъ укрѣпить и углубить свою вѣру, атеисты могутъ критически провѣрить свой атеизмъ.